

Анне

1

Он сел в мое такси на бульваре Осман: очень старый господин с красивыми седыми усами и седой бородой, которую, впрочем, он потом, когда мы познакомились ближе, сбрил. Его парикмахер сказал, что борода его старит, а так как несколько месяцев назад ему уже стукнуло восемьдесят четыре года, то, старше он выглядит или нет, уже не имело значения. Но в день нашей первой встречи у него еще были большие усы и коротенькая бородка, которую называют эспаньолкой, потому что именно в Испании начали носить такие бороды.

Я сразу заметил, что вид у него весьма почтенный, а красивые черты его волевого лица время не исказило. И все же лучшим в нем были глаза, темные, вернее, черные, причем их чернота поражала интенсивностью, — казалось, она выплескивалась из глазниц, бросая тень вокруг. Даже сидя он держался на редкость прямо, и меня удивила суровость, с какой он смотрел в окно; пока мы ехали, он был исполнен решимости и неумолим, словно не боялся ничего и никого и уже не раз успел разбить врага

в пух и прах, хотя мы добрались всего лишь до бульвара Пуассоньер.

Я еще никогда не возил столь изысканно одетого пассажира его возраста. Я часто замечал, что большинство стариков, доживающих свой век, даже те, о ком явно хорошо заботятся, обычно носят вещи, которые служат уже не первый год. Когда жить останется недолго, новый гардероб себе не заказывают, это непрактично. Но вот месье Соломон — впрочем, тогда я, конечно, еще не знал, что его так зовут, — был одет во все новое с головы до ног, и в этом чувствовался вызов и вместе с тем выражение доверия к будущему. Костюм в мелкую клетку дополняла синяя бабочка в горошек, в петлице красовалась розовая гвоздика, на голове — серая шляпа с жесткими полями. На коленях у него лежали кожаные перчатки кремового цвета и трость с серебряным набалдашником в форме лошадиной головы. Все в нем дышало элегантностью, причем самой современной, и сразу становилось ясно, что этот человек не дастся смерти просто так, за здорово живешь.

Меня также удивил его голос, который рычал даже тогда, когда он диктовал мне адрес — улица Сантье, — хотя причин рычать как будто не было. Может быть, он был чем-то разгневан и ехал туда, куда ехал скрепя сердце. Потом я поискал в словаре объяснение слова, которое наиболее точно передавало звук его голоса во время нашей первой, исторической встречи, и то впечатление, которое он произвел на меня, когда, забираясь в мое такси головой вперед, прорычал: “Улица Сантье”, и я запомнил определение: рычать — производить глухой и угрожающий звук под влиянием возмущения или гнева. Но тогда я еще не знал,

что относительно душевного состояния месье Соломона есть еще более точное определение. Потом я смотрел слово “рык” по другим словарям и нашел: гнев, бурное негодование по отношению к обидчику. Старость сковала его движения, болели почки, колени и вообще все суставы мешали нагнуться, когда он сидел в такси, его страшный враг — возраст — как всегда, преследовал его по пятам, и месье Соломон был полон негодования по отношению к этому обидчику.

Когда месье Соломон сел ко мне в такси и мы тронулись с места, получилось совпадение. У меня оказалось включенным радио, и странным образом первым, что мы услышали, было сообщение в последних известиях о том, что море вдоль берега Британии залито мазутом, в результате чего погибло двадцать пять тысяч водоплавающих птиц. Я, как всегда, стал громко выражать свое возмущение, и месье Соломон поддержал меня своим красивым рыкающим голосом.

— Это просто позор, — сказал он, и я увидел в зеркальце заднего обзора, что он вздохнул. — Жить в этом мире с каждым днем становится все труднее.

И он рассказал мне, что всю свою жизнь занимался изготовлением и продажей готовой одежды, главным образом брюк. Так между нами завязался разговор. Вот уже несколько лет, как он отошел от дел и заполнял свой досуг благотворительностью — чем больше стареешь, тем больше, оказывается, нуждаешься в других людях. Он отдал часть своей квартиры ассоциации, которая называется “SOS Альтруисты-любители” — это одна из разновидностей того, что называют телефоном доверия. Туда можно позвонить в любой час дня и ночи, если тебе уже не под

силу нести бремя жизни, если оно тебя вот-вот раздавит и ты весь во власти страхов. Набираешь нужный номер, и тебя стараются ободрить, оказывают что-то вроде моральной поддержки, если выразаться литературным языком.

— У них были финансовые затруднения, им не на что было снять помещение. Я взял их под свое крыло.

Он рассмеялся, когда сказал “под свое крыло”, и смех его тоже прогремел, словно вырвался из самых глубин его существа. Мы говорили о животных, которые вот-вот могут совсем исчезнуть, и это как-то само собой получилось, поскольку ему, учитывая его возраст, такое грозило в первую очередь. Я ехал очень медленно, чтобы продлить наш путь. Я уже знал такого рода ассоциацию, которая называлась “SOS Дружба”, но даже не представлял себе, что существуют еще и другие, что кто-то оказывает помощь тем, кто в ней нуждается. Меня это интересовало, я понимал, что любой может впасть в подобное состояние, но мне и в голову не пришло бы позвонить в этом случае “SOS Дружке” или в любую другую ассоциацию такого рода — ведь нельзя же всю жизнь висеть на телефоне. Я спросил его, что за люди отвечают на такие звонки, и он ответил, что это молодые люди, исполненные доброй воли, и что звонят тоже главным образом молодые, потому что старые уже ко всему привыкли. Он объяснил мне, что тут есть своя сложность: надо найти таких, кто действительно хочет помочь другим, а не берется за это, чтобы самому почувствовать себя лучше за счет тех, кто звонит. Мы были уже совсем близко от Сантьяго, но я его не понял, я не мог себе представить, каким образом звонок с просьбой о помощи может помочь

тому, кто должен ее оказать. Он с большой охотой объяснил мне, что это частый случай в психологии. Есть, например, немало психиатров, которых в юности не любили, которые всегда считали себя уродами, которым казалось, что все их избегают, и вот они благодаря своей профессии добились всего, чего им не хватало: они лечат молодых наркоманов, трудных, сбившихся с пути подростков, обретают вес в обществе, их наперебой приглашают в разные дома, они царят в своем кругу, вызывают восхищение, возле них крутятся красивые девчонки, которых они иначе никогда не узнали бы, — одним словом, эти люди начинают ощущать свою значительность и таким образом освобождаются от комплексов и им становится в жизни более комфортно.

— В нашем “SOS Альтруисты-любители” попадались такие неуравновешенные натуры, то, что называют “эмоционально обделенные”, и после каждого звонка с криком отчаяния они чувствовали себя менее одинокими. Да, что и говорить, у гуманитарной помощи свои проблемы.

Я поехал еще медленнее, меня все это крайне заинтересовало, и вот тут как раз я и спросил месье Соломона, как вышло, что с готового платья он переключился на гуманитарную помощь.

— Готовое платье, мой юный друг, вещь тонкая, не совсем ясно, где что начинается и где кончается...

Мы доехали до нужного номера на улице Сантье. Месье Соломон вылез из такси, рассчитался со мной, дал большие чаевые, и вот тогда это и случилось, только затрудняюсь сказать что же именно. Когда он платил мне, он дружески глядел на меня. А потом еще раз посмотрел на меня, но как-то странно, словно

в моем лице было что-то особенное. Он даже вдруг непроизвольно резко отпрянул — движение, которое обычно выражает крайнее удивление. Несколько мгновений он молчал, продолжая меня разглядывать. Потом закрыл глаза и провел рукой по векам. Вслед за тем снова открыл их и опять пристально посмотрел на меня, ни слова не говоря. Наконец он отвел от меня взгляд, и я понял, что он размышляет. Затем еще раз взглянул на меня, но бегло. Мне было ясно, что ему пришла в голову какая-то мысль, но он колеблется. Лицо его осветила странная улыбка, в ней была ирония, но еще больше печали, и совершенно неожиданно он пригласил меня выпить с ним — в бистро.

За все время, что я вожу такси, со мной такого еще не случилось никогда.

Мы сели за столик, и он снова принялся меня разглядывать с удивлением, словно не веря своим глазам. Затем задал мне несколько вопросов.

Я сказал ему, что профессионально занимаюсь ремонтом всякой бытовой техники, я, так сказать, мастер на все руки, умею чинить все, что сломалось, и сантехнику, и электроприборы, и любые другие механизмы. Теории я, правда, не знаю, научился всему на практике. А еще мы вдвоем, два моих приятеля и я, держим такси, и каждый отрабатывает свою смену; Йоко изучает хирургический массаж, чтобы вернуться затем на родину, Берег Слоновой Кости, где мало таких специалистов, а Тонг из Камбоджи, ему удалось спастись — он бежал через тайландскую границу. В свободное время я занимаюсь самообразованием, хожу в муниципальные библиотеки — одним словом, я самоучка. Я закончил только начальную школу, дальше учиться не пошел и самостоятельно пополнял свои

знания, главным образом по словарям, в них наиболее полные сведения — ведь того, чего там нет, вообще нигде не найдешь. Такси нам еще не принадлежит — пришлось занять деньги, чтобы его получить, не хватало полутора лимонов, но уже есть лицензия и мы твердо надеемся, что в конце концов сумеем собрать эту сумму.

И вот тут-то пришел мой черед удивиться, да так, как мне еще никогда прежде не приходилось, потому что на этот раз это было приятное удивление. Месье Соломон сидел перед своей чашечкой кофе и тихонько постукивал кончиками пальцев по столу, как обычно, когда размышлял, потом я много раз это видел.

— Что ж, я, быть может, мог бы вам помочь, — сказал он. Чтобы оценить эту фразу, надо знать, что слово “помочь” — любимое слово царя Соломона, потому что именно в этом слове люди испытывают наибольший недостаток. Я сказал “царь Соломон”, не объясняя, почему я так выразился, но об этом потом, обо всем сразу не расскажешь.

— Да, быть может, я смогу вам помочь. Я как раз собирался договориться с таксистом, чтобы он был в моем распоряжении, когда мне понадобится. У меня есть большая машина, так сказать для семьи, но семьи у меня нет, а сам я уже не вожу. Мне хотелось бы иметь возможность предоставлять транспорт тем, кто в нем нуждается, кому трудно передвигаться по состоянию здоровья, у кого больное сердце, или ноги, или глаза, или что-то еще...

Я просто ошеломлен. В древние времена существовали какие-то легендарные короли, которые осчастливливали людей, попадавших к ним на пути, были когда-то и добрые джинны, скрывавшиеся в бу-

тылках или еще где-то, которые одним движением руки предотвращали несчастья, но не в наши же дни, не на улице Сантье могли твориться такие чудеса! Конечно, месье Соломону было не по карману предотвращать несчастья одним движением руки, поскольку его состояние заметно пострадало от инфляции и обесценивания французских и иностранных акций, но он старался как мог. Разбогатеv на брюках, он только и делал, что делился с другими людьми, прежде всего с теми, кто уже ни во что не верил, чтобы доказать им, что они вовсе не забыты, что на бульваре Осман живет человек, который о них заботится. Чак, которого мы еще не встречали на этих страницах, — каждому свой черед — утверждает, что месье Соломон делает это вовсе не по доброте сердечной, а чтобы преподать урок Богу, пристыдить его и направить на истинный путь. Но Чак всегда надо всем смеется, такой у него склад ума.

— Вы могли бы также быть полезны нашей ассоциации “SOS Альтруисты-любители”, потому что им иногда приходится посещать людей, бывают и срочные случаи... Не всегда удается помочь по телефону...

Говоря все это, он продолжал меня разглядывать с пристальным вниманием. Постукивая пальцами, он улыбался, но как-то невесело, а в темных его глазах то и дело вспыхивали иронические всполохи.

— Ну так как? Вы согласны?

У меня мурашки пробежали по коже. Когда с вами случается что-то такое хорошее, чего вообще никогда не случалось, разве только в легендарные времена, надо быть начеку, потому что неизвестно, что за этим скрывается. Я неверующий, но даже когда не веришь, всему есть предел. Нельзя беспредельно не верить,

потому что, повторяю, всему есть свой предел. Я видел, что месье Соломон не сверхъестественное существо, хотя взгляд его обжигает, а в его возрасте взгляд обычно бывает уже потухшим. Ему никак не меньше восьмидесяти, а то и больше. Это человек из плоти и крови, он явно приближается к концу своей жизни, чем и объясняется, очевидно, строгий и даже разгневанный вид, потому что так с нами поступать нельзя. Но я решительно не понимал, что со мной случилось. Глубокий старик, о существовании которого я до сих пор и не подозревал, предлагает мне деньги, чтобы полностью выкупить такси, — предлагает среди белого дня, на террасе бистро на улице Сантье. Чак мне сказал, что такого не бывало со времен Гаруна ар-Рашида, который переодевался, чтобы не выделяться в толпе, а потом осыпал благодеяниями тех, кого считал достойными. Я чувствовал, что встретил какого-то особого человека, а не просто торговца готовым платьем, который преуспел в делах сверх всяких ожиданий. Я рассказал об этом Чаку и Тонгу, с которыми делю нашу конуру. Сперва они слушали меня с таким видом, словно я спятил и между бульваром Пуасоньер и улицей Сантье у меня начались галлюцинации на библейские сюжеты. Но в облике месье Соломона и вправду есть что-то библейское, и не только в силу его возраста, — он походит на Моисея из фильма “Десять заповедей” Сесила Б. де Милла, который показывали в синеиматеке, — такого сходства я больше никогда не встречал. Даже потом, когда я уже хорошо знал месье Соломона и полюбил его так, как невозможно любить простого человека, и все твердил ребятам, что никто не делает больше добра, чем мой хозяин, Чак тут же начинал мне возражать, причем со-

всем не глупо. По его мнению, месье Соломон хочет, чтобы все без исключения его любили, чттили и постоянно выражали ему свою благодарность, поскольку все, что он делает, он делает вместо кого-то другого, кто обязан был этим заниматься и которого он вынужден с ходу заменить. Он обращался к Иегове с жестоким упреком, чтобы пристыдить Его и обратить Его внимание на то, что требует Его вмешательства, — но Он не откликается. К этому Чак добавил, что филантропия всегда была способом властвовать над другими, хитрая уловка тех, у кого много денег, чтобы пудрить людям мозги, и что в 1978 году это выглядит просто комично. Но Чак все может объяснить, поэтому его надо опасаться, как чумы. Когда что-то не понимаешь, возникает по крайней мере ощущение какой-то тайны, за внешней стороной, возможно, скрывается что-то другое, имеющее более глубокий смысл, оно может вдруг стать явным и все изменить. Но когда есть объяснение, деться некуда, остаются лишь факты, а против них, как известно, не попрешь. По мне, объяснение — худший враг невежества.

Итак, я сижу с месье Соломоном за столиком в бистро, и вид у меня, должно быть, дурацкий, потому что он начинает смеяться, он видит, что я ему не верю, и тогда он вынимает чековую книжку и, глазом не моргнув, выписывает мне чек на полтора лимона, словно это сущий пустяк. Человек, о существовании которого я полчаса назад и не подозревал. И тут у меня начинают дрожать колени, потому что, если незнакомые люди выписывают вам чеки на полтора лимона, с вами может случиться все что угодно, и меня охватывает страх. Я держу чек в руке, но при этом так бледнею, что месье Соломон заказывает мне рюмку

коньяка. Я ее выпиваю, но лучше мне не становится. То, что со мной случилось, было уму непостижимо, а ничто не производит на меня такого ошеломляющего впечатления, как то, что невозможно постичь умом, потому что оно порождает разные надежды. Моя встреча с месье Соломоном, то, что он сел в мое такси, было самым уму непостижимым из всего, что мне довелось пережить за мою жизнь. Позже, уже после того, как мы расстались, я подумал, что легенды, возможно, возникают не на пустом месте.

— Надеюсь, нам удастся вернуть вам долг через полтора года, — говорю я.

Мои слова его явно позабавили. У него на губах всегда блуждает своего рода улыбка, вернее, след улыбки, которая когда-то, давным-давно, освещала его лицо, а потом стерлась, но не до конца.

— Мой дорогой мальчик, я вовсе не рассчитываю, что вы мне вернете этот долг, но, конечно, через полтора года, а еще лучше, через десять или двадцать лет мне было бы приятно это снова обсудить и, может быть, отсрочить возврат денег еще на несколько лет, — говорит он, и на этот раз, уже не таясь, смеется при мысли, что через полтора года, а может, и через десять лет еще будет на этом свете, это при его-то возрасте!

Чувство юмора ему не изменяло. Каждое утро он, наверное, просыпался с колотящимся сердцем, спрашивая себя, не отошел ли он уже в мир иной.

Я взял чек и стал разглядывать подпись: “Соломон Рубинштейн”, это было начертано твердой рукой. После фамилии была запятая и стояло слово “эск.” с точкой, таким образом получалось: “Соло-

мон Рубинштейн, эск.”. Я не знал, что это означает, но потом учитель английского языка, которого я вез в своем такси, мне объяснил, что “эск.” означает “эс-квейр” и что в Великобритании, когда пишут адрес, то после фамилии ставят “эск.”, чтобы отметить высокое положение человека. Месье Соломон, значит, добавлял к своему имени “эск.”, чтобы обозначить, что он все еще занимает высокое положение. Он жил два года в Англии и открыл там несколько магазинов, дела которых шли очень успешно.

Когда я перестал пялиться на чек, поверив наконец, что все это не сон, я заметил, что мой неожиданный благодетель снова принялся разглядывать меня с большим вниманием.

— Я вынужден задать вам вопрос, — сказал он, — и надеюсь, что вы на меня не обидитесь. Скажите, вы сидели в тюрьме?

Ну вот. Со мной это всегда случается — рожа у меня такая. Преступник. Сутенер. Этот тип настоящий подонок — так думают все, когда меня видят. Не понимаю, откуда у меня такая внешность, почему я производжу это впечатление — ведь мой отец сорок лет, пока не вышел на пенсию, оттрубил контролером в метро. А мать моя была очень хорошенькой и охотно этим пользовалась, заставляя отца страдать. Видимо, физиономию свою я унаследовал от моих древних предков галлов.

— Нет, я еще никогда не сидел в тюрьме, даже не пытался туда попасть. У меня для этого нет нужных данных. Поверьте, я совсем не похож на себя. Знаю, я не внушаю доверия. Когда я ходил по вызову к одиноким людям чинить домашнюю технику, я часто замечал, что, увидев меня, они начинали нервничать,

особенно дамы. Признаюсь честно, я был бы рад быть бандитом, чтобы мне все было нипочем, чтобы наслаждаться комфортом.

— Комфортом?

— Я имею в виду моральным комфортом. Короче, чтоб было на все наплевать.

Я заметил, что мои слова его несколько разочаровали. Черт возьми, подумал я, неужели он заинтересовался мной только из-за моей подозрительной рожи, уж не глава ли он шайки и не торгует ли наркотиками, а может, сбывает краденое? Конечно, я не знал, что у него на уме, и даже теперь, когда он давно живет в Ницце, да примет Бог его душу, я ни в чем не уверен. Но тем не менее мне трудно предположить, что он все просчитал с самого начала, что в нем еще больше иронии и злопамятства, чем я полагаю. И хотя он и царь Соломон, у него все же нет такой полноты власти, чтобы одновременно дергать за все веревочки. Может, мысль такая у него и мелькнула, что вполне естественно, когда все время думаешь об одном и том же, невозможно ни отключиться, ни забыть, ни простить. Всем известно, что любовь бывает упряма, как осел. Если сравнивать месье Соломона с вулканом, то он был еще не вполне погасшим. Внутри него не прекращались вулканические процессы, кипели страсти, а в этом случае всего можно ожидать. Это была наша первая встреча, я его не знал, и меня удивило, почему он как будто недоволен тем, что я не сидел в тюрьме. Но я был чересчур взволнован, чтобы задавать себе вопросы. У меня в руках был чек на полтора миллиона и, выражаясь языком наших предков, можно сказать, то, что я сейчас пережил, носило, пожалуй, религиозный характер.

Он вынул из внутреннего кармана бумажник из настоящей кожи и протянул мне визитную карточку, на которой, к моему изумлению, было напечатано: “Соломон Рубинштейн, эск., брючный король”.

— Это старая карточка, ведь теперь я на пенсии, — сказал он. — Но адрес тот же, навестите меня.